

Р.Ф. Брандт

**Краткая сравнительная грамматика
славянских языков. (Фонетика и
морфология)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Р11

Р11 **Р.Ф. Брандт**
Краткая сравнительная грамматика славянских языков. (Фонетика и морфология) / Р.Ф. Брандт – М.: Книга по Требованию, 2013. – 56 с.

ISBN 978-5-518-06052-4

ISBN 978-5-518-06052-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Соотвѣтственно этому Шлейхеръ изображалъ его въ видѣ родословнаго древа. а именно такъ:

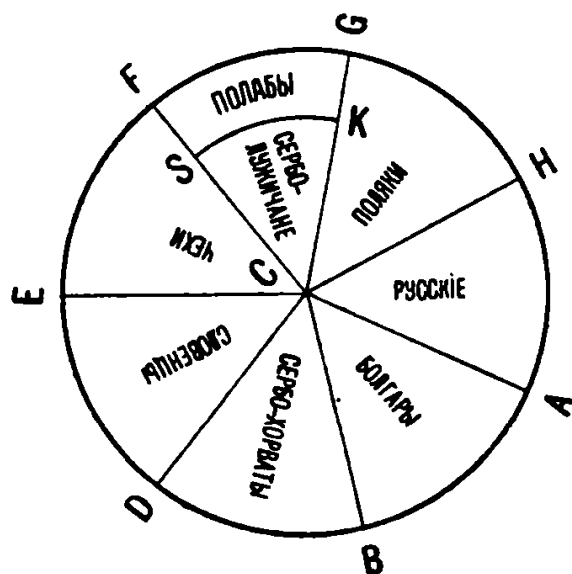

Черт. 1.

Воспроизводя Шлейхеровъ чертежъ, я не счелъ нужнымъ сохранить нѣкоторыя особенности его терминологіи.

Можно, впрочемъ, обойтись и безъ разселенія, принявши «волновую» теорію (Wellentheorie) Іоганна Шмидта (Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, томъ II—о полногласіи и связанныхъ съ нимъ явленіяхъ), и говорить о возникновеніи въ разныхъ мѣстахъ единой территоріи тѣхъ или иныхъ измѣненій языка и о распространеніи ихъ то болѣе, то менѣе широкими волнами, вродѣ круговъ отъ брошеннаго въ воду камня.

Іоганнъ Шмидтъ снабдилъ свое ученіе слѣдующимъ чертежомъ:

Черт. 2.

Чертежъ этотъ даетъ довольно вѣрное понятіе о родственныхъ отношеніяхъ между славянскими языками, хотя кое-что и вызываетъ на споръ. Такъ, сербохорватская, да и словенская, рѣчь ближе къ русской, чѣмъ болгарская, а ближайшими родичами русскихъ изъ западныхъ славянъ являются чехи (точнѣе — словаки), а едва-ли поляки.

Возникновеніе и распространеніе новыхъ особенностей, по Шмидтовой теоріи, можно пояснить хоть такими примѣрами.

Гдѣ-нибудь на пространствѣ ABDEFC возникло стремленіе, вмѣсто древнѣйшаго выговора «ворна» (порусски «ворона»), произносить «врана», а затѣмъ этотъ обычай распространился на всю область ABDEFC, но не вышелъ за ея предѣлы. Гдѣ-нибудь въ пространствѣ HCEFG возникъ выговоръ «свѣца», вмѣсто древнѣйшаго «свѣтја» (т-ј-а надо читать «тѣя»), русскаго «свѣча», и сталъ господствующимъ во всей этой области.

Такимъ образомъ, развѣтвленіе языковъ можетъ быть объясняемо и безъ великаго переселенія.

Изъ числа славянскихъ языковъ главнымъ для нашего обзора является староцерковный. Это староболгарское нарѣчіе отличается такою архаичностью, столь вѣрнымъ сохраненіемъ древнихъ чертъ, что, за рѣдкими исключеніями, можетъ намъ замѣнять не дошедшій до насъ ни въ какихъ памятникахъ языкъ праславянскій. Мы поэтому и будемъ обыкновенно выводить инославянскіе звуки и формы изъ староцерковныхъ, подразумѣвая оговорку, что произошли они изъ тождественныхъ (или же отличавшихся мелкими, для насъ неопредѣлимыми, особенностями) звуковъ и формъ праславянскихъ.

Ф О Н Е Т И К А.

Судьба глухихъ.

Разсмотримъ прежде всего судьбу гласныхъ ъ и ѣ, которые, по терминологіи покойнаго Филиппа Ѳедоровича Фортунатова, называются ирраціональными. Но этотъ терминъ вовсе не такъ характеренъ, чтобы стоило замѣнять имъ обычное у русскихъ славистовъ названіе: «глухіе гласные». Для глухихъ гласныхъ приходится предполагать неполное образованіе, а, можетъ быть, и краткость ббольшую, чѣмъ для остальныхъ краткихъ гласныхъ. ъ и ѣ можно отождествлять съ русскими глухими изъ безударныхъ а (о), е (и) въ начальныхъ слогахъ реченій: пѣмагáть, бѣрегѹ. Другіе, опредѣляя ѣ въ сущности такъ же (какъ ирраціональное і, склонное къ е), считаютъ ъ ирраціональнымъ ѹ, склоннымъ къ о.

Неявственность данныхъ звуковъ выводится изъ того, что они то проясняются, то нѣмѣютъ, и, проясняясь, въ разныхъ языкахъ даютъ разные звуки.

Уже въ праславянской рѣчи глухіе подъ конецъ переродились, будучи въ однихъ слогахъ ослаблены, а въ другихъ усилены. А именно, при сосѣдствѣ двухъ глухихъ слоговъ второй глухой звучалъ слабѣе перваго, и въ дальнѣйшемъ развитіи второй нѣмѣлъ, а первый прояснялся. Напр., староцерковное **гладѣхъ** порусски дало гладок¹⁾. Это явленіе имѣетъ параллель въ области чистыхъ гласныхъ. По указанію Потебни, сильные глухіе получились такъ же, какъ и продленіе чистыхъ: напрімѣръ, староцерк. **Богъ** дало по-старочешски **Bóh**²⁾, гдѣ продленіе о находится въ связи съ онѣмѣніемъ конечнаго ъ.

При появленіи въ сосѣднихъ слогахъ трехъ глухихъ усиливается и проясняется средній: староцерковное **сѣмѣхъ** даетъ такимъ обра-

¹⁾ Обыкновенное письмо, съ конечнымъ ъ, невѣрно изображаетъ отношеніе русскаго слова къ староцерковному.

²⁾ Напомню здѣсь, что когда я, не прибѣгая къ построенію «праформъ», вывожу новославянскіе звуки и слова изъ староцерковныхъ, то всегда подразумѣвается оговорка, что, староцерковное положеніе дѣла есть вмѣстѣ съ тѣмъ и праславянское.

вомъ, почешски *zněm* (здѣсь *n* мягкій, хотя этого не должно бы быть). Русское сонм — книжное слово и развилось нефонетически: назывно-винильный падежъ основанъ на косвенныхъ: род. пад. сонма, гдѣ *n* первоначально былъ мягкимъ, изъ *snyma*. При правильномъ проясненіи было бы *snēm*, сонма. Попольски сначала получилось *zněm*, *zněm*, затѣмъ въ косвенникахъ *n* упростился въ *j*: *zněm*, и, наконецъ, возникъ, подобно русскому сонм, новотворный назывно-винильникъ *zněm*. При сочетаніи четырехъ глухихъ проясняется первый и третій: въ *snym* почешски даетъ *ve zněm*.

Вслѣдствіе двоякаго измѣненія глухихъ новославянскіе ихъ замѣнители оказались бѣглыми, напр. зол, женск. р. зла, но гол — гола; силен — сильна, но усилен — усилена. (Первоначально: *zla*, *zla*; *gola*, *gola*; *snym*, *snym*; *osnām*, *osnām*).

Проясненіе *z* порусски даетъ *o*: сон (род. сна); посербски *z* даетъ *a*: сан, сна. Однако въ старѣйшихъ памятникахъ сербскаго языка глухіе не замѣняются буквою *a*, и только смѣшиваются, вслѣдствіе чего почти постоянно пишется *z*. Эти начертанія надо объяснять тѣмъ, что первоначально у сербовъ не было проясненія (какъ нѣкогда и у русскихъ). Въ словенскомъ языкѣ прояснившійся *z* даетъ то *a*, то *o*, или иной разъ сохраняется, какъ глухой гласный, который можно обозначать черезъ *z* (словенцы пишутъ *o*). Колебаніе *a* и *o* основано, очевидно, на смѣшеніи нарѣчій. Такимъ образомъ староцерковное *lžja* (общеславянское *lžь*) пословенски звучитъ *lāž* и *lēž*, родникъ *leži* (*lží*). Глухой звукъ является только въ положеніи безъ ударенія: *rétk*, и могъ бы быть вторичнымъ ослабленіемъ возникшаго было *o*. Впрочемъ, въ областной рѣчи находимъ и ударяемый глухой, напр. въ словѣ *zartk* (болтунъ — пустое яйцо).

У болгаръ *z* сохраняется, хотя, быть можетъ, и не въ томъ видѣ, какъ въ староцерковномъ языкѣ. При какихъ-то условіяхъ этотъ *z* въ говорахъ даетъ *a*. Примѣры: сын, петък (сравн. сербское *pétak*), вѣтъх, вѣтха, вѣтхо. Македонская рѣчь знаетъ и проясненіе въ *o*: сон. Послѣднее отразилось въ нѣкоторыхъ староцерковныхъ памятникахъ.

У чеховъ и поляковъ *z* даетъ *o*: чешское и польское *sen* (попольски произношеніе болѣе твердое), чешское *lež* — ложь, род. *lži*, польское *lež*, род. *lzu* (у поляковъ это слово теперь неупотребительно). Еще отмѣтимъ *pátek* — пятък (пятница) у чеховъ и *piątek* у поляковъ. Въ сербо-лужицкомъ языкѣ находимъ двоякое проясненіе глухого — въ *o* и *e*: верхнелужицкое *gož*, род. *gže*, *posol*, род. *posla*. Проясненіе въ *e* представляютъ *zetkaś*, *cytkew*, *kwje*. Въ послѣднемъ словѣ *e* можетъ быть и вторичное, подъ вліяніемъ слѣдующей мягкости, срв. *dejíc* — доить. Примѣры изъ нижнелужицкаго языка, гдѣ также бываетъ и *o*, и *e*: *soń*, *posol*, *zetkaś*, *gež* (рожь, сравн. верхнелужицкое *gož*). Колебаніе между *o* и *e* въ *z*

мы находимъ еще въ словацкомъ говорѣ чешскаго языка. Что касается проясненія ѣ въ языкѣ полабскомъ, то тамъ дѣло не особенно ясно. Повидимому, ѣ переходилъ въ звукъ средній между а и о: dāzd — дѣждь, dūbāk — дѣбѣкъ (дерево); ů обозначаетъ и носовое.

Глухой ѣ во многихъ языкахъ совпалъ съ ѣ. Въ русскомъ онъ далъ е, которое не разъ вторичнымъ образомъ перешло въ 'о, а, онѣмѣвъ, оставилъ по себѣ мягкость. Эта мягкость можетъ устраняться позднѣйшимъ отвердѣніемъ. Примѣры: сохраненіе мягкости видимъ въ день, дня; мягкость и ёканье представляютъ слова лён, род. льну и пѣс, но въ род. пса уже мягкость, вслѣдствіе уподобленія, исчезла. Таковы же купец, купца, козёл, козла, гдѣ н, ц и з первоначально всегда были мягки.

Въ видѣ мягкости, одной или передъ е, довольно хорошо сохраняется слѣдъ ѣ языкѣ польскій: leń, род. lnu; piesz, но въ рѣдникѣ рза мягкость, какъ и порусски, утрачена. Слово kuriesz въ концѣ и въ группѣ rs (курса) мягкости не имѣетъ. Какъ слѣдъ мягкости находимъ попольски шепелявый г: ogzel, но косвенники имѣютъ г твердый: ogła; chrzest — крещеніе, род. chrztu. Слѣдъ мягкости, но въ нѣсколько затемненномъ видѣ, есть и въ сербо-лужицкомъ языкѣ: dzień, dnja; но ros, rza — съ утратой мягкости. У нижнихъ лужичанъ rjas съ мягкостью, но е тоже переродилось — въ а. Примѣры для болгарскаго языка: ден, лен, гладен, гладна, гладно, търговец, търговци. Въ болгарской орфографіи конечные ѣ и ѣ сохраняются, однако имѣютъ лишь этимологическое значеніе. Мы будемъ ихъ для фонетической ясности опускать.

Почешски глухіе почти совпали, и ѣ, когда нѣмѣетъ, не оставляетъ мягкости. Мягкость сохранилась, а, можетъ быть, развилась вторично изъ полумягкаго выговора, лишь при предшествующемъ г. Примѣры: rez, rza; hladen, hladna; den, dne; kurcs, kurcs; křest, křtu — крещеніе (сравнимъ польское chrzest, chrztu).

У сербовъ ѣ проясняется въ а, у словенцевъ — то въ а, то въ е; у послѣднихъ онъ является и въ видѣ глухого. Очевидно, что въ словенскомъ языкѣ, такъ же какъ въ сербскомъ, глухіе еще до проясненія совпали. Сербское пѣс, пѣа; красан, красна, красно; кѹпац, кѹпца. У словенцевъ слово лѣнъ колеблется по говорамъ: lān или lēn, род. lān; bolān или bōlān; kūrjs, kūrca (въ областной рѣчи слышится и kūrjs).

Во избѣжаніе неудобныхъ сочетаній согласныхъ не разъ является вторичная постоянность: при староцерковномъ ѤѤти стоитъ русское чести, вмѣсто ожидаемаго чсти; сравнимъ чешское šest, род. sti; однако mesh — mchu или meshu, какъ порусски мох — мху или моху.

Сербскій языкъ, особенно чувствительный къ неудобнымъ сочетаніямъ, всегда имѣетъ мах — маха; также част — части, пѣн — пѣна (пѣнъ) и даже дан — дана, хотя у послѣдняго слова есть и архаич-

ный родникъ днѣ. Въ томъ же родѣ у словенцевъ: mäh или mēh, род. mähū, čast — častī, rānj — rānja. Даже польскій языкъ, допускающій очень затруднительныя группы, какъ cześć — czci, krew — krwi, drgnąć (дрѣгнѣти), klnę (кльнѣ), представляетъ, подобно русскому крот-крота изъ **крѣтъ-крѣта**, — kret-kreta.

Въ языкахъ, знающихъ слоговыя г и л, оказавшіяся въ неудобномъ сочетаніи г и л могутъ стать слоговыми: почешски krev-kreve (встарь kreve было односложнымъ), посербски крв-крви. У сербовъ здѣсь развившійся въ косвенникахъ слоговикъ перенесенъ и на форму **крѣвъ**, давшую первоначально крав. Также поступили чехи у слова **крѣтъ**, звучащаго у нихъ krt (впрочемъ, въ областной, моравской, рѣчи — kret).

Съ этимъ явленіемъ почти тождественно возникновеніе въ сложныхъ группахъ (не только при г и л) вторичныхъ глухихъ, при чемъ иногда можно (но д. б. не слѣдуетъ) говорить о сохраненіи глухого. Таково болгарское пѣстръ: **пѣстръ** должно было дать пестр; въ корнѣ, видно, произошло сперва онѣмѣніе, какъ въ чешскомъ и польскомъ pstrŭ, pstru, а затѣмъ развился вторичный глухой; вторичный глухой развился и въ конечномъ слогѣ, какъ въ однородныхъ словахъ русскаго языка, гдѣ такой глухой на письмѣ не обозначается: добѣр, игѣр, смугѣл и др. Впрочемъ, кое-гдѣ этотъ звукъ все-таки попалъ въ орфографію: «стеколь».

Вторичный глухой можетъ и проясниться, или же тутъ можетъ произойти вставка о, е, либо а, по примѣру бѣглости прояснившихся глухихъ; напримѣръ, попольски szkło стекло, мн. рѣдникъ — szkiel. Это явленіе во всѣхъ славянскихъ языкахъ повторяется у одного слова **огнь**: русское огонь, болгарское ѡгън, сербское ѡгаъ, польское ogień, чешское oheň, сравнимъ древне-индійское agní, литовское ugnis, латинское ignis. Удареніе въ этомъ словѣ на вставочномъ звукѣ, конечно, развилось подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей. Припомнимъ также наше производное отъ основного **стѣкло** — стекльщикъ.

Въ иныхъ случаяхъ, кажется, обязательно видѣть подражательную вставку. Таково русское остѣр: **остѣр** фонетически могло дать только остѣр или остор. Здѣсь, очевидно, сказалось вліяніе такихъ прикладковъ, какъ красен, свѣтел — **красѣнъ**, **свѣтълъ**. То же самое въ сербскомъ добар: фонетически получилось бы не ар, а слоговой р.

Вернемся еще къ упомянутой уже вторичной постоянности. Особенно часто это явленіе находитъ себѣ мѣсто въ болгарскомъ языкѣ: лев, лѣлове, вмѣсто ллове; пѣн — пенъ, пѣнѣве рядомъ съ самородными фонемами сѣленецъ — крестьянинъ, сѣленци. (Однако въ косвенникѣ тогѣ-зи сѣленеца — этого крестьянина). У лужичанъ — son, sona.

Въ другихъ случаяхъ двойственность огласовки устраняется введеніемъ во всѣ формы безгласія. Въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ это составляетъ правило у окончаній **ѣкъ** и **ѣць**. У сер-

бовъ-лужичанъ и кашубовъ эти суффиксы постоянно являются въ безсложномъ видѣ. Староцерковныя **пѣсѣкъ**, ***пальць** посерболужички звучатъ **pěsk**, **palc**, покашубски — **piösk**, **palc**. Одинъ случай безгласности суффикса есть въ польскомъ языкѣ: **szewc**, равное основному **шѣвъць**, но почешски здѣсь правильно: **żwec**, **żewce**. Порусски — обратное явленіе: жнецъ, жнеца, вмѣсто ожидаемаго (и не чуждаго областной рѣчи) женца. Порусски еще: пришелецъ, пришельца или пришлецъ, пришлеца (по самородному: пришлецъ, пришельца).

Бѣглость, развившаяся вмѣсто глухихъ, можетъ переноситься на слова съ **о** и **е** постоянными (исконными). Вторичная бѣглость встрѣчается сравнительно рѣдко. Впрочемъ, порусски есть цѣлый рядъ такихъ словъ — это напевныя основы мужескаго рода, типа **камѣ**, **камѣнѣ**: камень, камня, ремень, ремня и т. д. Бѣглое по аналогіи **е** встрѣчаемъ еще въ словахъ **зѣмѣць**, **зѣмѣць**: заецъ, зайца, колодецъ, колодца, гдѣ подставленъ другой суффиксъ, ецъ (**ьць**), чего; впрочемъ, орфографія не признаётъ. Въ другихъ славянскихъ языкахъ находимъ лишь незначительныя соотвѣтствія: **kámen**, **kamпа** у словенцевъ, областное **зѣѣцъ** (обыкновенно **зѣцъ** изъ **зѣѣцъ**) у сербовъ. Порусски еще **ровъ**, **рва**; сравнимъ польское **gów**, **gowи**. У слова урокъ **рѣдникъ** въ народной рѣчи является въ видѣ **урка**; очевидно, **о** корневое понято въ смыслѣ суффикснаго (ок = **ькъ**). Подобнымъ же образомъ и отъ потолокъ имѣемъ **потолка**, вмѣсто **потолока** (сравнимъ поговорку: «руки въ боки, глаза въ потолоки»).

Плавно-глухія созвучія.

Тѣмъ случаямъ, гдѣ въ староцерковномъ языкѣ глухія пишутся при плавныхъ, — въ другихъ славянскихъ языкахъ соотвѣтствуетъ своеобразная огласовка. Такъ, въ соотвѣтствіе староцерковному **трѣгъ** мы ждали бы порусски **трогъ**, но находимъ **торгъ**. Это даетъ намъ право думать объ особомъ характерѣ глухихъ, если они стояли въ соединеніи съ плавными. По всей вѣроятности, здѣсь были **ѣ** и **ь** особенно неполнаго образованія и особенной краткости, или — что почти то же самое — **р** и **л** слоговые. Слоговой **р** есть и теперь въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ, слоговой **л** встрѣчается рѣже. **Ѣ** и **Ѡ** надо предполагать двойкіе: твердые и полумягкіе, или же сочетанія **ѣр** и **ѣл**, **Ѡр** и **Ѡл**, хотя, впрочемъ, въ иныхъ языкахъ замѣчается и совпаденіе. **Ѣ** и **Ѡ** при плавныхъ совпали въ сербскомъ языкѣ: **крѣма**, **трѣг¹⁾**, **срѣна**, **срѣце** (**крѣума**, **трѣгъ**, **срѣна**, **срѣдце**). Встарину былъ у сербовъ и слоговой **л** — въ старѣйшихъ памятникахъ написаніе **лъ** вполне выдержано: **вѣлъкъ**, **тѣлъсть**. При пере-

¹⁾ Здѣсь довольно вѣрно воспроизведено сербское округлое начертаніе циркумфлекса, которое у насъ для удобства печати обыкновенно замѣнено угловатымъ.

дѣтъ сербскихъ именъ латинскими буквами замѣчаются явныя попытки выразить слоговой **l**: Vilkan, Velkan (Влканъ), Stilbiza (Стлбица), — **z**, въ смыслѣ **ц**, по итальянскому способу.

Въ настоящее время слоговой **л** у сербовъ остался лишь кое-гдѣ на островахъ Адриатическаго моря, а большею частью потерпѣлъ вторичное измѣненіе и далъ **у**: вѣк — волкъ, пѣст — полость (пѣсть значить войлокъ), дѣг — староцерковное дѣгъ. Итакъ, въ этихъ сочетаніяхъ глухой не замѣняется черезъ **а**, что и представляетъ слѣдъ слоговостности плавнаго. У словенцевъ тоже имѣется **г**, и также безъ различенія твердости или полумягкости: krčma, trg, srcé.

l у словенцевъ нѣтъ, но есть особая огласовка, черезъ **о**: volk, dolg, сходная съ русскою. **l** здѣсь звучитъ, какъ неслоговое **у**, и получается дифтонгъ. Миклошичъ и Кочубинскій то же **ou** предполагали и у сербовъ, какъ переходную ступень, но Ягичъ вѣско возражаетъ имъ, что **у**, вмѣсто **l**, есть не только сербская, но и хорватская черта, а **l** переходитъ въ **о** (притомъ въ **о**, а не въ **у**) только у сербовъ, но не у хорватовъ: дао (элевое причастіе: даа), сеоце (сельце), похорватски dal, selce, и что, какъ переходная орфографія, не встрѣчается **оу**, а встрѣчается **уо**: вѣомъ.

Слоговые **г** и **l** оба существуютъ у чеховъ: trh, srdce, srga, vlk, plst. Вторичнымъ образомъ находимъ иногда и обычное вмѣсто глухихъ **е**, а именно послѣ шипящихъ: černý, старочешское črny.

Вторичное явленіе при **г**, а также при **l** есть и въ болгарскомъ языкѣ, и тоже послѣ шипящихъ; въ говорахъ находимъ слоговые **р**, **л**, а обыкновенно имѣются слоги съ полными глухими: вѣлк, кѣрчма, тѣргъ съ **ъ**, черн, желт. У болгаръ глухіе могутъ стоять и послѣ плавныхъ, что обыкновенно связано со свойствомъ слоговъ, именно, послѣдочная огласовка замѣчается передъ двумя или нѣсколькими согласными: мѣрдаш (трогаешь), но мѣрднеш; мѣлчѣш, но мѣлкнеш.

Многочисленные слѣды своеобразности плавно-глухой огласовки находимъ въ польскомъ языкѣ, несмотря на то, что тамъ нѣтъ слоговыхъ согласныхъ. **Р** попольски даетъ **ar** передъ твердыми зубными (въ томъ числѣ и свистящіе и твердый эль — **l**). Въ этихъ случаяхъ старый **г** полумягкій (у поляковъ прямо мягкій) совпалъ съ твердымъ. Примѣры: targ, karczma, gardło (грѣло), twardy (тврѣдъ), sarna (сръна), umarły (оумрълыи). Когда же за мягкимъ **г** слѣдовали согласные задненебные или губные, то получилась огласовка **ie**: wierzba, wierzech. Надо еще замѣтить, что шепелявый **г** является не всегда, напримѣръ, siegr. Въ языкѣ старопольскомъ было **i**, которое подъ вліяніемъ **г** перешло въ **e**: wirzech (ср. umierać вмѣсто стариннаго umirać, ser вмѣсто sur). При **l** находимъ также своеобразную замѣну глухого: является **lu**: tłusty, długi,

tlukę; въ другихъ случаяхъ il: wilk, pilśe (пѣсть, войлокъ). Послѣ шипящихъ—ol и вторичное ól: zólty, czólno. Иногда польски встрѣчается и обычная замѣна: pełny, pełna (шерсть), chęłm (холмъ). Огласовки, въ родѣ какъ у поляковъ, находимъ у нижнихъ лужичанъ: twardy, carnу, dlujki.

У верхнихъ лужичанъ и русскихъ здѣсь совпаденіе съ обыкновенными глухими слогами: połny, porst, pjerśceŋ (перстень); у иныхъ словъ можно отмѣтить мягкость г: wjeŋch. То же и порусски, хотя тамъ на письмѣ мягкій р обозначался только въ старину: церковь, четвергъ, верьба, зерькало (но и верба, зеркало). Древніе русскіе писцы не разъ, вмѣсто одного глухого, пишутъ два: вѣлькѣ, что можно объяснить какъ сдѣлку между вѣлькѣ и вѣлькѣ; точно такъ же и тѣрѣгъ, сѣрьдѣце, вѣрьхъ, жѣльтъ. Сравнимъ однако современные сѣверновеликорусскія фонемы—столоб, верѣх и еще обычное верѣвка=вѣрьвѣка, вмѣсто стрцрк. *вѣрьвѣка, которыя заставляютъ предполагать, что здѣсь развивались вторичные глухіе, а послѣ переходили въ чистые. Впрочемъ, такое явленіе наблюдается лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, большею же частью постановка двухъ глухихъ есть, должно быть, только орфографическій приѣмъ. При томъ русскіе писцы, видимо, сознавали, что второй глухой неравноправенъ первому, и потому тотъ, но не этотъ, охотно замѣняли паеркомъ: вѣлькѣ, тѣрѣгъ и т. п. Іоганнъ Шмидтъ довольно заманчиво объяснялъ мягкость р изъ глухого полногласія и изъ него же выводилъ появленіе гласнаго то позади плавнаго, то спереди, при чемъ относилъ развитіе полногласія къ праславянской порѣ, для чего, однако, нѣтъ достаточныхъ основаній.

Звукъ «ѣ».

Въ настоящее время особаго звука ѣ не существуетъ, но, очевидно, онъ нѣкогда былъ въ староцерковномъ: иначе не стали бы изобрѣтать особаго знака. Слѣды ѣ ясно видны въ новославянскихъ языкахъ; слѣдовательно, этотъ звукъ былъ и въ праславянской рѣчи. Порусски есть школьное правило: ѣ никогда не читается за ѣ (кромѣ, впрочемъ, нѣкоторыхъ случаевъ), чему соответствуетъ звуковое явленіе, что звукъ е (или древній, или изъ ѡ) подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ расширился въ ѣ (о съ предшествующей мягкостью), тогда какъ ѣ здѣсь звучитъ, какъ е широкое: ёлка, но бѣлка; мѣд, но дѣд; пѣс, но лѣс и т. п. Лишь передъ мягкимъ звукомъ ѣ совпалъ съ древнимъ е въ одномъ звукѣ—е узкомъ (склонномъ къ і, а не къ а). Напр., глагольная форма «одѣнь» и сочетаніе «а день» звучатъ одинаково: адеŋ. Еще ѣ звучитъ какъ узкое е, хотя находится и передъ твердостью, въ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ: «мера».

Слѣдъ ѣ есть въ малорусскомъ нарѣчїи, въ видѣ і: міра, діло, а въ корницкомъ говорѣ Сѣдлецкой губерніи ѣ звучитъ, какъ іе¹⁾: свіет, біелый. И въ обще-русскомъ языкѣ ѣ былъ какимъ-то дифтонгомъ іе, переходившимъ впослѣдствїи въ і и въ е.

Въ серболужицкомъ языкѣ ѣ тоже звучитъ какъ іе: swět; іе находимъ и въ южномъ говорѣ сербскаго языка: свїјет, бїјелї. При краткости тоже имѣется не просто е, а је: мјера, дјед (или, со вторичнымъ смягченіемъ, ѣд). Въ западномъ говорѣ сербскаго языка ѣ является въ видѣ и, а въ восточномъ — е.

У словенцевъ ѣ совпалъ съ е, но діалектически есть еј: délo, dejlo

Одинаковая замѣна ѣ, именно 'а, является у болгаръ и поляковъ, хотя развивалось, конечно, самостоятельно. У болгаръ такой выговоръ ѣ имѣетъ мѣсто подъ удареніемъ, передъ слѣдующей твердостью: мѣра, брѣг и т. п. У поляковъ расширение ѣ въ 'а обуславливается положеніемъ передъ твердыми зубными и г: lato, gniady, las, gniazdo, siano, biały, miaga; но chleb, wiek, такъ какъ здѣсь губной и заднеязычный.

Слѣды ѣ есть и въ чешскомъ языкѣ, который можно въ этомъ отношенїи сопоставить съ серболужицкимъ языкомъ и съ южнымъ говоромъ сербскаго. Здѣсь тоже было іе — донинѣ сохраняемое въ словацкомъ нарѣчїи: міера, біелу, но у самихъ чеховъ перешедшее въ і: міра, білѣ. Въ другихъ случаяхъ почешски, вм. древняго ѣ, является 'е: pězný, věděti.

Исторія носовыхъ гласныхъ.

Для праславянскаго языка мы должны предполагать носовые гласные ѡ и ѣ; были они и въ языкѣ староцерковномъ (ѡ, ѡ). О носовомъ характерѣ этихъ гласныхъ свидѣтельствуютъ такіа чередованія звуковъ, какъ **мѡти-мѡнѡ**, **жѡти-жѡнѡ**; **плѡма-плѡменѡ**. Свидѣтельствуешь о немъ и соотвѣтствіе въ родственныхъ языкахъ слоговъ съ носовыми согласными, какъ греч. *λέντε* при слав. **пѡть**, литовск. *gal̃k̃a* при славян. **рѡжа**. О томъ же говоритъ такое же соотвѣтствіе при передачѣ славянами иностранныхъ словъ и славянскихъ словъ иностранцами, напр. **Лѡггнѡ** изъ Longinus, **сѡпѡтѡбрь** изъ *Σεπτέμβριος*, September; мадыарское *dorong* = **дрѡгѡ** (шесть), *gerenda* = **грѡда**; готское *plinsjan* = **плѡсѡти**. Носовые гласные сохранились теперь въ польскомъ языкѣ и въ его кашубскомъ нарѣчїи. У поляковъ ѡ, ѡ, также и ѡ (послѣднее есть въ областной рѣчи, а въ древнѣйшую пору чуть ли не господствовало исключительно): *sąd* (судѡ)²⁾,

¹⁾ Іе — дифтонгъ, съ преобладаніемъ (ударяемостью) перваго элемента.

²⁾ Знакъ ѡ съ крючкомъ читается, какъ носовое ѡ (а вѣято здѣсь въ смыслѣ ѡ, склоннаго къ ѡ).